

Кузьма Егрёмин

Поле

Кузьма Егрёмин

Поле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68761881

SelfPub; 2023

Аннотация

Поле – это огромнейшая площадь для мысли. Простор и глубина! «Ведь в маленькой камерке, в которой человек трепещущие валяются штабелями и думать тяжело, и всякой мысли тесно.»

Кузьма Егрёмин

Поле

Валяясь навзничь на степных холмах, я отчетливо понял – это очень неприятно. Засохшая трава, под жаром солнца, из мягкой природной перины превращается в маленькие колья, на кои ещё Гулливер ступал и получал небольшие царапины. Но конечно не в этом суть моего повествования – все это вздор и суета сует. Не за тем я пишу, и не за тем вы это читаете.

И все-таки прелестны степи России. Я буквально в них влюблён. О эта широта мысли! Ведь в маленькой каморке, в которой человек трепещущие валяются штабелями и думать тяжело, и всякой мысли тесно. А этот всепронзающий и вездесущий ветер! Только вслушавшись на пару минут, так и обыватель поэму накропает или полоумная баба романс сочинит.

«И так, хватит этой романтики, ее еще впереди много» – заметил я и встал с земли, да так встал, что ветер чуть с ног не сбил. Я отряхнул свой фрак немецкого пошива и пошёл как обалделый в глубь Родины моей, никого не щадящей и никого не забывающей.

В правой руке моей скрипка, а в левой смычок. Иду и думаю:

– А если меня кто увидит в таком виде? – я оглядел всего

себя и чуть заметно сморщил лицо – Скажут: «Эге! Во «ары-стократишка» идёт! К концерту чтоль заплутал?». Впрочем, это не важно, важно то что на уме и что истинно! Ибо если поймут превратно, то за мавра сочтут или того хуже – за сумасшедшего. Ведь все мы знаем, что проще в рожу плюнуть тому кто что-то донести хочет, чем истинно понять. Впрочем, понять-то никто и не хочет. У большинства лишь вздор на уме, а окромя вздора ещё что-нибудь.

Так и шёл я по проселочным дорогам, проходя распустья, наблюдая за ястребами и дерзкими воробушками (и что они тут забыли?). Так и дошёл я до вершины холма. Вид тут намного более прозаичный: снизу тропинки, а за ними ручей, такой маленький, что если в него вступить, то лишь по щиколотку намочишься, а за ручьём вновь вершина, при том такая же, как и моя. Все тот же ветер, ещё утренняя прохлада и свежесть, но самое главное – эхо.

Только представьте как одна извлеченная мною нота покатится, поплывет, полетит по свету верхом на немислимом аппарате, врезаясь в холмы и утесы. Вот и я так подумал. Ведь не зря я с собой скрипку нес. Конечно, стоит признать, смычком можно оглушить бобра! Плотинок ихних много, а я – горемыка эдакий – один. Вы скажите: «Так откуда там плотины ИХНИЕ, если ручей мал настолько, что путём и утопиться нельзя, какие там плотины?» А я отвечу вам, что я понятия не имею, да и это мне не интересно.

Оперевшись одной ногой на валун, я, так сказать, при-

нял «*Октябрьскую позу*». Подстроил скрипку и начал играть. «*La Campanella*» – мое любимое, которое столь будоражит и возвышает душу, что Орфей со своей лирой расплакался бы и убежал в свою убогую Элладу. Оно вопрошает громко и высокомерно: «Это ли твоя измлада и мука, и отрада..?». Играю я лишь соло, так как забыл взять с собой оркестр, хотя он и не поместился бы в мой летний фрак немецкого пошива. Не смотря на это, я играл так, будто за мной и оркестр, и сам Паганини, и все кто могли прийти – пришли. Лицо мое принимало то вид в высшей мере серьезный, то какой-то очень странный, точно меня ударили по носу и я пытаюсь его вправить не используя рук.

Пока я играл, пока я обращался к Богу с своими думами, ко мне тихо подкрался старичок и ударил меня по затылку, да так, что скрипка, из-за моего испуга, издала звук людей из картины «Последний день Помпеи», столь противный, что в дрожь берет.

Я обернулся и вижу: дедушка лет шестидесяти, среднего роста, с бородой как облако, только чёрное, с морщинами на перевес и с запахом перегару. Стоит и смотрит. Глаза выпучил так, будто я царевича Димитрия убил и с трупом играю как со скакалкой.

– Это ты чего тут концерт.. не.. несенцианированный учудил? – сказал, даже отчеканил он это в высшей мере серьезно, так что весь покраснел пока слово «эдако-мудренное» вспоминал.

– Какой такой несенцыанированный? – со сдобной порцией ехидности произнёс я.

– А ты тут не умничай! – грозил пальцем он – мы тоже не лыком шиты! Все мы тут учености ваши знаем!

Я и не знал что ему ответить. В начале я подумал: «Мне нужно открыть ему душу, рассказать о каких-нибудь остро-социальных проблемах, просветить, показать пороки общества!». Но мысль эта растаяла после моей следующей: «Хотя, и ежу понятно, когда в России была мода на «мужика» все писали о нем. Вдохновлялись и искали смысл в их несправедливой, гнусной доле. А просвещать – с ним говорить никто и не хотел, какое уж тут просвещение!». Возможно вы подумали, что сейчас я достану из широких штанин книги и начну вещать как Сократ? Нет. Прежде чем достать книги, из широких штанин я достану паспорт, так как я человек культурный и образованный, затем оркестр, (который как оказалось я не забыл) ибо он натирает мне ноги. Нет, нет, нет! Я, как благонамеренный гражданин, показав шиш, убежал закидывая старичка жемчугом, параллельно выкидывая святыни из своих штанин, ибо и они мешают бежать.

А дед сел, что-то прокряхтел, взял иконки и Писание. Все это он обложил во круг себя и начал облизываться. Из-за пазухи он достал бутылку водки (как она там у него уместилась?) и начал пить, то закусывая иконкой, то отрывая лист из Писания начинал читать, а после перекрестившись закусывал и листом.

– Странно, – подумал я – и как эта бутылка там уместилась? Хотя, у нашего мужика чрево столь же вместительно, сколь и душа, так что тут и нечему дивится – заключил я и побрел куда глаза глядят.

Вновь поле. Запах приятен, холодок веет до сих пор. Я решил, что оставаться на моем холме не безопасно, потому-то все мы помним что после святынь идёт «оборачивание», а затем – неумолимое «растерзание». Потому, переходя речушку, дабы взобраться на противоположный холм, начался инцидент с бобрами.

Я отбивался от них смычком, а скрипку использовал как щит. Победоносен мой образ был. Горы бобров и я размахивал смычком, точно шпагой, но одной доблести мало и мне пришлось ретироваться и впоследствии отступить.

– Бестолоч! – кричали вслед мне бобры. Да и что можно от них ожидать? Радикальные взгляды ещё никого до добра не доводили.

Взобравшись на лобную гору я встал как вкопанный и не мог сдвинуться с места.

На самой вершине, в самом лучшем из возможных мест, сидит свинья. У неё стоит стол, пара стульев, а сама сидит ровно, заложив ногу на ногу. У неё монокль на пяточке, жабо на вороте сюртука и сидит она как-то слишком «умно».

– Молодой человек! – певучим басом произнесла свинья – Меня зовут Александр Петрович Добрый.

– Кузьма Егрёмин – еле выпало из моих уст.

– Так вы присаживайтесь! Вы сегодня завтракали-с? – фамильярно и приторно произнёс Добрый, так что меня слегка перекосило.

– Н-нет.

– Так садитесь! Как же вы так, не почивая, да на прогулку вышли?

– Д-даже не знаю..

В голове у меня был огромнейший диссонанс. Я не знал что делать, как себя поставить, весь я дрожал.

– Петруша! Кофию принеси гостю! – он отложил книгу и начал всего меня рассматривать и изучать. Да так, будто бы он давно знаком со мной. Он с сожалением смотрел на мой потрёпанный бобрами фрак.

Прибежал Петруша. Маленький поросёнок с чашкой кофе в копытцах. Одет он был как Александр Петрович, только был он моложе и монокля при нем не было.

С изумлением я смотрел на все это. Я вскрикнул будто меня режут. Александр Петрович видно испугался не меньше меня и тоже закричал. Агония, страх, ужас охватили меня.

Я проснулся в холодном поту. Все тело меня не слушалось, точно меня всю прошедшую ночь избивали. Я поднялся с кровати. Закурил попироску. Встал и пошёл как обалделый в глубь моей родины – никого не щадящей и никого не забывающей.